Каравашкин И.

ВРЕМЯ УПОРОТЫХ ПОРОДИЙ

Мы открылись!

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

И. Каравашкин
Мы открылись!

https://litres.ru/74775657
SelfPub; 2026

Аннотация

СЛР. все оп канону: любовь, ненависть, предательство, дружба, полоса чёрная, полоса белая... Сатирическое произведение. (не смешное ни разу)

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 28

И. Каравашкин
Мы открылись!

Глава 1

Нева была не просто водой, а живым, дышащим существом синевато-серого и непрозрачно-серебристого цвета, которое с голодным, ритмичным плеском билось о набережные Васильевского острова. Был июнь, время белых ночей — странных, застывших сумерек, когда солнце опускается за горизонт, но упрямо отказывается гаснуть, окутывая Санкт-Петербург призрачным, багровым светом. Но в ту ночь небо плакало. С Финского залива накрапывал непрекращающийся дождь, размывая вдалеке золотой шпиль Адмиралтейства и превращая булыжники Дворцовой площади в скользкие чёрные зеркала, отражающие неудачливых туристов.

Внутри «Избушки» — «ресторанного домика» — пахло кофе, ванилью и маргаритками. Этот запах у Валентины Красновой ассоциировался с единственным вибрирующим узлом тревоги, который поселился у неё в животе.

Валя стояла в центре маленького зала, крепко сжав руки, так что костяшки пальцев стали цвета старой слоновой кости. Ей было двадцать три года, она была хрупкой, бледной, с тонкими костями, как у фарфоровой куклы, и глазами, ко-

торые казались слишком большими для её лица, — глазами цвета грозовых туч, вечно широко раскрытыми, с выражением, которое мир принимал за невинность, но на самом деле было сверхбдительным механизмом выживания. На ней было стильное платье, которое свободно висело на её фигуре, и нейлоновый фартук с логотипом заведения. Её волосы, каскад тёмно-пепельных прядей, были туго зачёсаны назад, обнажая изящную линию шеи. Валя смотрела на столы.

Их было всего шесть. Шесть маленьких круглых столиков, купленных по сходной цене на онлайн барахолке у бывшей хозяйки закрывшегося заведения, всего пол года назад такой же излишне оптимистичной начинающей рестораторши. Каждый столик был накрыт белоснежной скатертью, которую Валя трижды накрахмалила и прогладила. Комплектные стулья были «припудрены» свежей морилкой, на новые чехлы лишних денег не было.

Помещение была весьма компактным — переоборудованный магазин на первом этаже ветхого жёлтого доходного дома. Стены были выкрашены в тёплый охристый цвет, а пол был сделан из ламината с закосом под дубовые доски, ламинат тоже был приобретён по дешёвке на распродаже, это было выгоднее, чем делать новую стяжку и заливку каким-нибудь там жидким стеклом. В углу стояла массивная кирпичная печь, выложенная псевдо изразцами, — сердце заведения. Она стояла «под парами» и ждала утреннего старта. Это было скромное помещение, уютный уголок в районе, кото-

рый считался вполне себе туристическим местом.

— У меня всё должно быть идеально, — прошептала Валя в пустой комнате. Её голос дрожал, выдавая ту стальную решимость, которую она пыталась изобразить. — И у меня всё будет идеально.

Она подошла к первому столику. В центре стояла небольшая стильная вазочка. Протянула руку, слегка дрожащую от волнения, и поправила композицию внутри. Это был не букет из дорогих роз на длинных стеблях или тепличных лилий, такие вещи сейчас были непомерно дорогими, и, кроме того, они бы не соответствовали тому антуражу, что она пыталась создать в своём заведении. Вместо этого в вазочке были симпатичные маргаритки, очень бюджетные и достаточно неприхотливые цветы ,и вполне себе милые. в любом случае. они были лучшей альтернативой искусственным восковым подделкам, которые в последнее время для экономии стали расставлять на своих столах большинство рестораторов.

Она наклонилась ближе, вдыхая аромат. Пахло приятно. пахло воспоминаниями.

Три года Валя шла к этому моменту. Три года она драила кастрюли в подвалах без окон, таскала мешки с картошкой, которые были тяжелее её самой. Терпела неприкрытое распутство шеф-поваров и пренебрежение клиентов, которые относились к официантам как к мебели. Она с отличием окончила Санкт-Петербургский институт гостеприимства, но диплом казался ей тонким листом бумаги по срав-

нению с тяжестью реальности.

Она взяла вазочку и сдвинула её на пол вершка влево. Затем на полвершка вправо, но ощущение нарушенности симметрии продолжало немного раздражать.

— Ладно, всё, проехали, — отругала она себя, отвернувшись от стола и разгладив фартук. — Это всё нервы. С цветами всё в порядке. Со столами всё в порядке. Но была ли «Избушка» в порядке?

Эта мысль занозой засела у неё в сердце. Ведь сейчас было такое время, когда казалось, что сама земля под ногами еженедельно уходит из-под ног. В новостях постоянно говорили о санкциях, закрытых границах и экономической неопределённости. Инфляция была голодным призраком, который выгрызал рубли из её кошелька и без того уже почти пустого. Поставщики исчезали или требовали предоплату за товары, которые могли так и не прийти. Открыть ресторан сейчас было не просто бизнес-проектом, это было безумство храбрых. Или тупо слабоумие помноженное на отвагу.

И постоянные мысли про деньги. Ещё какие деньги.

У Вали защемило в груди. Капитал для «Избушки» — ремонт, Профессиональная печь, лицензии, инвентарь — достался от тёти Веры. Это был не просто кредит, это была жизнь тёти Веры. Это были её сбережения и «гробовые». как сказал сама тётя, которые она копила сорок лет, работая школьной учительницей, в сочетании с мизерными выручками от продажи старой дачи под Выборгом.

— Это инвестиция, зайка моя, — сказала тётя Вера, протягивая толстый конверт с деньгами. На её лице была написана решимость, которая скрывала её собственный страх. — Я верю в тебя. У тебя руки мастера. У тебя душа повара.

Но Валя знала правду. Если бы «Избушка» прогорела, у них не было бы запасного варианта. Не было бы дачи, куда можно было бы уехать. Не было бы денег на «прожитьё», потому как до пенсии тёте было несколько лет, а существование на учительскую зарплату жизнью не назовёшь. С потерей всего у них так и останется однокомнатная «хрущёвка» на Лужской. Валя потеряла родителей, когда ей было семь лет: они попали в аварию скользкой октябрьской ночью. Тётя Вера взяла её к себе и растила в тесной коммунальной квартире с высокими потолками, пока не заполучила через хитрые схемы перепродаж жилья в центре отдельную квартиру на окраине. Тётя Вера была бездетной и без мужа, и отдала всю себя чтобы вырастить девочку. Теперь Валя ставила будущее своей опекунши на кон ради мечты о хорошем семейном бизнесе. Эта ноша была непосильной. Вале казалось, что она несёт на плечах гранитный блок с набережной.

Она подошла к окну. Стекло было усеяно каплями дождя. Снаружи мерцали уличные фонари, отбрасывая длинные водянистые блики на мокрый тротуар. Мимо с проехал одинокий трамвай в ретро стиле, недавно запущенных, и искры, на мгновение вылетевшие из контактного провода, осветили силуэт бездомной кошки, свернувшейся в дверном проёме.

Она прижалась лбом к холодному стеклу. «Хоть бы всё сработало!» — прошептала Валя, ожидая время «Ч», когда должно случиться первое открытие её собственного заведения общественного питания в формате семейного ресторана ориентированного на туристический сектор.

Она боялась, что никто не придёт. Или, что ещё хуже, что они придут, съедят по тарелке и уйдут с разочарованными лицами. В ресторанном бизнесе тишина — громче любого крика.

Начинающий ресторатор повернулась к залу и критически осмотрела помещение. Свет был приглушённым, его давали модные лампы с диодами в ретро стиле, подвешенные над столами. Они излучали тёплое янтарное свечение, отчаянно пытаясь создать атмосферу уютного гостеприимства среди суеты окрестностей Васильевского острова. Этот участок набережной располагался в относительной отдалённости от самого центра города, но вблизи исторических достопримечательностей достаточно популярных для туристов. И туристы тут не просто ходили, их вообще привозили целыми автобусами, что в теории давало надежду на высокую посещаемость, только вот и конкуренция в этом месте была достаточно сильной.

Взгляд хозяйки ресторана скользнул по проходу в кухню. За ним располагалась зона с плитой, тяжёлыми столами из нержавейки для готовки и полками, заставленными оперативными запасами Всё было организовано с точностью, как в

учебнике. Каждый нож был острым. Каждая кастрюля была начищена до блеска. Каждая емкость была промаркирована. Всё было готова. Ну или ей так казалось.

Паника вернулась холодной волной. Она подумала про вкус рассольника с копчёностями, который был сегодня в меню. Про «пожарские котлеты». Про И чуть было не потеряла связь с реальность, снова засомневавшись в выборе основного меню: все же уклон в русскую кухню — это определённый риск, но и серьёзная отстройка от конкурентов с их корпаччо и брускетами. А пельмени и вареники? Тётя Вера всегда говорила, что настоящая русская еда это русская печь и «томление». Вот только на реальную печь не было денег. Да и «томить» каши времени в эпоху фастфуда нет. Поэтому, по правде говоря, меню ресторана было собранием компромиссов, и больше было не русским как таковым, а a'la russ. Время — деньги. Может быть позже, когда заведение раскрутится, можно будет поставить настоящую печь, а не электроподделку, и организовать ночную смену для соблюдения традиционных способов приготовления национальных блюд.

Валя вернулась на кухню и ещё раз посмотрела на заготовки и полуфабрикаты, всё ли промаркировано, всё ли подписано ,все лю соответствует это долбанному плану ХАССП и всем правилом пищевой безопасности. О первом рабочем дне хочется в последствии прочесть ревю. а не некрологи.

Инструкции развешаны. ТТК карты разложены. разделочные доски и ножи различаются цветом. Журнал осмотра рук

персонала оформлен.

«Всё в порядке, — сказала она себе, хотя сердце колотилось у неё в груди, как пойманная птица. — Всё даже лучше, чем в порядке. Вот честное слово».

Но честность не помогает платить за аренду. Честность не поможет купить новый пуховик даже на «Апрашке», когда зимний ветер пронизывает тебя до костей.

Она сделала пар глубоких вдохов и, зажмурившись, вцепилась в край столешницы. На мгновение темнота за её веками стала убежищем. Она представила себя не владелицей ресторана, испытывающей трудности, а маленькой девочкой, которая стоит на снегу у кладбища, держа за руку тётю Веру, и смотрит на свежевырытую землю, под которой покоятся её родители. Она вспомнила тогдашний холод, пронизывающий до костей. Страх быть брошенной. Страх, что она по сути своей совершенно одинока в этом мире.

Этот страх был движущей силой, которая заставляла её просыпаться в пять утра, чтобы ехать через пол города в переполненном метро на учёбу. а после — на очередную работу в очередной забегаловке под пафосной вывеской, мнящей себя рестораном. Жертвовать своей молодостью, выходными, шансом на нормальную жизнь — и всё это ради того, чтобы построить эту дорожку благополучию.

— Я не одна, — прошептала она в тишине кухни. — У меня есть тётя Вера. У меня есть...

Она замялась. У неё был Он. По её щекам разлилось теп-

ло, совсем не похожее на жар от плиты. Максим. Макс.

Она представила его лицо, и узел в её животе немного ослаб. Максим был её якорем. Он был тем тяжёлым камнем, который не давал ей уплыть в бушующее море собственных тревог. Ему было двадцать восемь лет, он был высоким и широкоплечим, с волосами цвета ржаного хлеба и глазами глубокого, ровного голубого оттенка летнего неба. Он не был понтомётом. Он не ездил на «БМВ» и не носил дизайнерскую одежду. Он носил добротную одежду малоизвестных брендов, и работал в сфере логистики, перемещая товары с железнодорожных станций на склады. Это была работа, требующая физического труда и бесконечного заполнения накладных. Он был уравновешенным. Он был приземлённым. Он был безумно, до безумия влюблён в неё.

И он был тайным молчаливым партнёром в «Избушке». У него не было денег, которые дала тётя Вера, но он вложился по полной. Он взял отпуск на работе — неоплачиваемый — чтобы установить сантехнику. Ночами он красил потолок, а в выходные стелил ламинат. Он спорил с проверяющим из пожарной службы, пока тот не подписал разрешения. Он делал всё это без жалоб, не требуя похвалы, просто глядя на неё своими всёпонимающими, проникновенными глазами, от которых она чувствовала себя единственной в мире.

Но Валя боялась этой силы. Это был огонь, с которым она не знала, как обращаться. Однажды она уже обожглась. Воспоминания об Артуре всплывали в её памяти, как дурной

сон, от которого она не могла очнуться, — фантомная конечность, которая болела в дождливые дни. Артур с его яркой улыбкой и пустыми обещаниями. Артур, который научил её тому, что за красивой обёрткой часто скрывается гниль.

Максим не был Артуром. Она это знала. Максим был надёжным. Максим был настоящим. Но довериться ему сердцем казалось более рискованным, чем доверить ему ресторан.

Внезапно тяжёлая деревянная дверь ресторана со звоном дверного колокольчика распахнулась, и этот звук эхом разнёсся по маленькому помещению, как школьный звонок на урок.

Валя резко обернулась, и сердце у неё ушло в пятки. Максим стоял в дверях. Он промок насквозь. Дождь прибил его тёмные волосы ко лбу, и капли воды стекали по переносице. В руках он держал большой пластиковый ящик, накрытый серым брезентом. На нём была куртка, насквозь промокшая, а его ботинки оставляли грязные следы на чистом полу, который Валя вымыла час назад.

— Макс, — выдохнула она, и воздух снова наполнил её лёгкие. — Ты весь мокрый.

Он посмотрел на неё, и по его лицу медленно расплылась усталая улыбка, разгладившая морщины вокруг глаз. Эта улыбка затронула его глаза, приподняв уголки губ, и он стал выглядеть моложе и гораздо опаснее для её душевного спокойствия.

— Так ить дождь, хозяйка, — сказал он с улыбкой низким рокочущим голосом, который, казалось, вибрировал сквозь половицы и с глухим стуком поставил тяжёлый ящик на ближайший стол. Звук был уверенным и успокаивающим.

— А я заметила, — в тон ему ответила она, хватая чистое полотенце из-за стойки и бросаясь к столику. —Тебе не следовало приходить. Тебе следовало пойти домой и поспать. Ты тут уже с пяти.

Он не сразу взял полотенце. Он просто смотрел на неё, его взгляд блуждал по её лицу, отмечая тёмные круги под глазами, напряжённую челюсть, то, как её руки сжимали ткань фартука. Он всё видел. Он всегда всё видел.

— Ну а кто, если не я? — тихо сказал он. Он протянул руку, и его большая ладонь — грубая от мозолей, тёплая, как печка, — заправила ей за ухо выбившуюся прядь волос. На секунду его пальцы задержались на её щеке, и от этого прикосновения по её телу пробежала волна электричества, неожиданная и сильная. — Это же главный день перед открытием. И я тоже хочу позырить на финальную фазу.

— И на что ты собираешься зырить? На зал, полный пустых столов? — она попыталась пошутить, но голос дрогнул.

Он слегка нахмурился, его рука опустилась на ее плечо, успокаивающе сжимая. — Не парься. Он не пустой. Он полон тобой. Он полон того, что ты создала. — Макс обвел помещение свободной рукой. — Посмотри на это. Здесь тепло. Пахнет как... как дома. Ты знаешь, как редко это бывает в

общепите? Ты знаешь, сколько туристов прямо сейчас в своих отельчиках едят всякую хрень из вчерашнего нераспроданного и мечтают о хорошем завтраке? Ща всё будет. Надо просто подождать. Завтра всё будет. Пока там эти группы соберутся, пока загрузятся. И, так-то, вообще надо ждать посетителей после обеда уже будет, ближе наверное к четырём. А на завтраки тебе ещё придётся их рекламой завлекать. Причём, агрессивной. Или думаешь гостиницы от своего куска масла откажутся?

Валя почувствовала, как слезы подступают к глазам. Она яростно сморгнула их:

— Я в ужасе, Макс, — призналась она, её голос был едва слышен. — Я в ужасе от мысли, что никто не придет. Или что инспектор вернется и закроет нас, потому что вентилятор работает слишком громко.

— Да и пусть приходит, - сказал Максим, и в его голосе появились жесткие нотки. — это вообще не проблема. У нас тут всё бест оф зе бест, прямо-таки эталонно. Вообще не придерёшься.

Наконец он взял полотенце, которое она ему протянула, и вытер им волосы, а затем лицо:

— Забей. — сказал он приглушённым из-за полотенца голосом. — Лучше зацени, что я принёс.

Он убрал полотенце и указал на ящик на столе:

— Ну-ка, давай, открывай.

Валя подозрительно посмотрела на ящик:

— Макс, что это? У меня нет денег ни на что вообще. Бюджет исчерпан до последней копейки.

— Ну! Чего гадать-то? Открой и посмотри, — добродушно проворчал он, слегка поеживаясь от холодного и влажного ощущения.

Она приподняла край серого брезента. Под ним, на соломенных подстилках, стояли стеклянные банки. Их были десятки. Она взяла одну. Это был густой, кремовый мёд цвета жжёного янтаря, с сотами внутри.

— Откуда это? — спросил она Макса настороженно?

— Это алтайский подгон! Корефан у меня один есть, поделился.

— Так нельзя же у частников закупаться, — испугалась Валя.

— Не, это не у частников. Это поставка в Смольный была. Вся официально, как полагается, вот тебе доки все, — Макс кивнул на пластиковый фал с листами бумаги. — Вот тебе счета и сертификаты качества.

— И сколь это всё стоило?

— Нам — почти ничего.

— Это как это? Это что...

— Всё нормально. Никакого криминала. Там, сама понимаешь, люди на спичках не экономят, вот время от времени у них излишки появляются. Ну, а кто смел — тот два съел. Всё законно, — твёрдо перебил он её.

Максим подошёл ближе, вторгаясь в её личное простран-

ство, и её обоняние наполнилось запахом дождя, и автомобильного освежителя:

— Раз пока на главный аттракцион для интуристов денег нет, то вместо икры будут блины с мёдом. Лицензия у тебя со следующего только месяца, а кто ж закусывает мёдом. Так что, по любому мёд — это фишка. А «мёд ручной работы», да ещё и в сотах, ну прям — вообще.

Теперь он стоял так близко, что она могла разглядеть капли воды, прилипшие к его ресницам. Она видела едва заметный шрам над его левой бровью — след от драки в баре много лет назад, когда он ещё не научился контролировать свой характер. Он смотрел на неё с такой неприкрытой, искренней любовью, что ей одновременно хотелось убежать и уткнуться лицом ему в грудь.

— Какой ты умный, Максимочка, — промурлыкала она.

— Паблики научные надо читать, — с акцентом заявил Максимочка.

Она рассмеялась, выдохнув с облегчением:

— Поставишь его в кладовку? Я его попозже запишу.

Молодой человек поднял ящик, напрягая мышцы под мокрой рубашкой, и отнёс его на кухню. Валя смотрела ему вслед. Он двигался с тяжёлой, неуклюжей грацией, как медведь, знающий себе цену. Он заполнил собой всё маленькое пространство «кладовой», и заведение показалась ещё меньше, теснее, и больше игрушечной.

— Макс, — сказала она, прислонившись к разделочному

столу. — Спасибочки тебе. Большое-пребольшое. Сколько я должна?

Он выпрямился и закрыл дверь «склада». В кухне стало темнее, горел только свет над плитой. Он повернулся к ней, вытирая руки о бёдра:

— Один поцелуй принцессы!

— Как жаль, что тут нет ни одной даже самой завалящей принцессы, — огорчилась хитрая рестораторша. — Тут только одна очень одинокая золушка.

— Тогда два поцелуя Золушки!

— А чего это сразу два? Экие у вас, товарищ бортник, расценочки!

— Так, это, ну, бизнес есть бизнес, Всё чисто по-деловому.

— И как же вы представляете поцелуи чисто по-деловому?

— Легко представляю. Как на международном уровне.

— Это как это?

— Ну, например, по французски.

— Вот как только на международный уровень выйдем, тогда и подумаем о французском деловом протоколе. Пока предлагаю обойтись форматом национального делового оборота: могу поцеловать в лоб.

— В лоб не надо!

— А что так?

— Говорят, плохая примета.

— А кто говорит?

— Патологоанатомы.

Он подошёл к ней и остановился в полуметре. Воздух между ними наэлектризовался. Это была опасная зона. Это был край пропасти, вокруг которого они кружили целый год.

— Валюша, по-моему ты слишком много работаешь, — сказал он, и его взгляд потемнел. — Совсем какая-то бледная стала.

— Я в порядке. Я просто... ну, немного нервничаю. Всё таки у меня не просто первое открытие ресторана, а открытие собственного ресторана. И я бы даже сказала — начало новой жизни...

— В 12 часиков перевернём табличку на двери, вот и всё открытие. Новая жизнь у тебя уже началась. Как только ты ИП зарегистрировала.

— Ну... да, но всё равно, всё равно волнуюсь.

Он протянул руку и взял её за запястье. Его рука обхватила её запястье, грубая и тёплая. Перевернул её руку, обнажив ладонь. Большим пальцем он провёл по линии жизни, совершая нежные ритмичные движения, от которых по её руке побежали мурашки.

— Вижу белое платье и тропический остров, — сказал он. — и кассовый ящик полный денег...

— Видит, ага, — Валя со вздохом улыбнулась. — Вот окроемся, а соседи завтра что-нибудь этакое выдумают: или акцию проведут, или ценовую войну устроят... И всё...

— Да ничего не всё. Не накручивай себя. В отличие от них, у тебя есть профильное образование и знание математики. Думаешь, хоть кто-то на этой улице из всех владельцев знает как считать юнит-экономику для кафе? А уж тем более для ресторана.

— А оно им надо? Заняли самые проходные места. Да и заведения у них уже раскручены. А у нас даже на блогеров денег нет.

— Всё фигня, кроме пчёл! В наше время сальмонеллы и золотистого стафилококка главное конкурентное преимущество — стерильна чистота и соблюдение норм хранения продуктов. Вот и будем видосы пилить как у нас все убирается ежедневно и всё блястит, как купол «Исаакия». Очередь будет длиннее чем на Конюшенной. Я ж сказал, я тебе помогу. У меня есть лишнее время. Побуду уборщиком, мне не в падлу. Я ж в армейке служил.

Он сделал шаг навстречу. Теперь они касались друг друга. Его мокрая спереди рубашка прижималась к её фартуку.

— Макс, — предупреждающе прошептала она. — Ты уверен?

— Ой, всё, не начинай. Всё же обсудили тысячу раз.

— Но ты и так для меня делаешь столько всего. Вот, и мёд сегодня раздобыл...

— Для рыцаря желание его дамы сердца — закон!

— Чего это ты себе навоображал?

— А что, разве я не преданный рыцарь. Или ты мне пред-

лагаешь свалить побеждать дракона в другое королевство?

— Ну чего ты сразу-то? Рыцарь. ещё какой рыцарь. Натуральный Ланцелот. Ланцелотистей некуда. Я про себя говорю.

— Про себя? А что, так не хочется быть дамой сердца? Или дамой именно моего сердца? А мне вот хочется. Сердцу, знаешь ли, не прикажешь.

— что не прикажешь?

— Не любить не прикажешь.

— Кого не любить?

Макс наклонил к плечу голову и с хитрой ухмылочкой объяснил:

— Тут кроме нас двоих никого. Себя я и так уже люблю и обожаю. Остаёшься только ты.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и запретные. У Вали перехватило дыхание. Она так долго ждала, когда он это скажет, и теперь, когда он это сказал, её охватила паника.

— Ой, а можно не надо? Я и так вся на нервах, а ту ещё любовь, меня на всё не хватит. А я когда нервничаю, такая душная, — начала оправдываться Валя. Тётя Вера меня любит, уже как бы достаточно. А то если меня все любить начнут, я ж не справлюсь.

— Тётя Валя, хочет нас с тобой видеть на Фурштадской, с первого дня, как ты меня с ней познакомила. — И тётя Валя в людях разбирается.

— Это тебе только кажется, — возразила девушка, убирая

руку. — У нас чисто деловые отношения же. Этот бизнес — это всё. Если мы... если между нами что-то случится и все пойдет не так... Я не могу потерять ресторан. Я не могу потерять тебя.

— Ты меня не потеряешь, — заверил Макс. Он протянул руку и обнял её за талию, притянув к себе. Его движение было внезапным, решительным и собственническим. — Я никуда не уйду, Валя. Я не Артур.

Упоминание имени Артура было подобно ушату ледяной воды. Валя напряглась в его объятиях.

— Максим, не надо упоминать это имя, — резко сказала она. — Не здесь. Не в моём ресторане.

Выражение лица Максима стало жёстким:

— Почему нет? Он же призрак, сидящий за столом, не так ли? Тот, кого ты на самом деле боишься.

— Он ушёл. Его нет уже три года.

— Неужели? — Максим с вызовом посмотрел ей в глаза. — Почему-то иногда я смотрю на тебя и вижу, что ты смотришь на дверь, ожидая, когда упадёт вторая туфля. Ждешь, когда прекрасный принц прискачет обратно и заберёт тебя в свой волшебный замок.

— Нет у меня никакой второй туфли! И запасной тыквы тоже нет! А добрая фея запас подарков для крестницы уже исчерпала, — огрызнулась Валя, пытаясь оттолкнуть его, но он держал её железной хваткой.

— Ну нет, так и нет, не в тыквах счастье — сказал он,

его голос смягчился. — И не так уж и важно, что и кого ты ждёшь, я тебя всё равно люблю.

Он наклонился, и его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от её лица. Напряжение, которое нарастало месяцами — молчаливые взгляды, случайные прикосновения, ночные посиделки на кухне, которые заканчивались неловким молчанием, — наконец спало.

— Предупреждаю: я сейчас тебя поцелую, готовься, — сказал он. Это был не вопрос. Это было констатация факта.

— Ну вот и целуй, — выдохнула она, прежде чем успела себя остановить. — А то только угрожаешь.

Он не стал ждать. Он опустил голову и накрыл её губы своими.

Это был не нежный поцелуй. Это было не робкаяя разведка на первом свидании. Это было столкновение. Оно было жадным и отчаянным, с привкусом дождя и соли его пота. Его губы требовали, оставляли синяки, искали ответ на вопрос, который он задавал себе целый год. Валя почувствовала, как у неё подкашиваются ноги, а тело растворяется в его крепкой груди. Её руки зарылись в его влажные волосы, притягивая его к себе, словно якорь, пока мир вокруг неё вращался.

Вкус пепла, вкус страха, вкус тревоги — всё это было смыто ошеломляющей реальностью его присутствия. Он пах кофе, опасностью и безопасностью одновременно. Запах его мокрой куртки наполнил её ноздри, придав ей сил. На мгно-

вение она перестала быть сиротой, борющейся за выживание. Она перестала быть напуганной индивидуальной предпринимательницей. Она была просто женщиной, которую крепко обнимал любящий её мужчина.

Он оттеснил её назад, прижав к тяжёлой деревянной двери кладовой. Ручка двери впилась ей в спину, но ей было всё равно. Она углубила поцелуй, их языки встретились в молчаливой капитуляции, которая пугала её не меньше, чем возбуждала. Вот и всё. Точка невозврата. Если она впустит его, по-настоящему впустит, он завладеет ею. А потеряв его, она будет уничтожена.

Но в тот момент, когда дождь барабанил по окну, а в воздухе витал медовый аромат, это не имело значения. Не имело значения ничего, кроме тепла его губ и силы его объятий.

— Валя, — хрипло прошептал он ей в губы. — Я люблю тебя.

Он поднёс руки к её лицу, обхватил её подбородок, а большими пальцами провёл по скулам с таким благоговением, что у неё защемило сердце. Он поцеловал её веки, нос, уголок рта. Нежные поцелуи резко контрастировали с яростью первого.

—и люблю тебя, — снова прошептал он, и его голос дрогнул. — Я никуда не уйду. Я не он. Клянусь.

Валя открыла глаза, перед которыми всё плыло. Она посмотрела на него и увидела неприкрытую уязвимость в его лице. Он обнажал перед ней душу, предлагая своё сердце на

блюдечке так же, как она предлагала еду покупателям.

— Я знаю, — прошептала она в ответ, проводя пальцами по его подбородку. Я знаю, что ты не он, Макс. Прости. Я просто...»

— Испугана? — он слегка улыбнулся.

— В ужасе, — призналась она.

— Аналогично, — сказал он. — Но мы всё равно это сделаем. Мы откроем это заведение и добьёмся успеха. И мы сделаем это вместе. Мы сделаем это ресторан «семейного типа» семейным в прямом смысле слова!

Он наклонился, чтобы снова поцеловать её, на этот раз медленнее, словно обещая что-то в будущем. Валя закрыла глаза, отдаваясь ощущениям. Страх всё ещё был там, в тени, но впервые за три года он казался незначительным. Управляемым.

«Динь-дон.»

Звук был резким, пронзительным, механическим, он разрезал уютную тишину кухни.

Валя резко вздрогнула и отпрянула от Максима, как от огня. От этого резкого движения она потеряла равновесие и ударилась спиной о разделочный стол.

— Спокойно, — пробормотал Максим, поддерживая ее за локоть. — Это всего лишь телефон.

Телефон. Отдельный дешёвенький аппарат для чисто ресторанных вопросов. Общего, так сказать назначения — служебный.

— Ой, надо же ответить, — сказала Валя, и теперь её сердце колотилось по другой причине. Тёплый пузырь романтики лопнул, уступив место иррациональному страху. — Кто звонит в ресторан, которые ещё только собирается открываться. А вдруг это с проверкой?

— Да спамеры это, — сказал Максим, хмуро глядя на телефон. — Номер опсосы сливают спамерам в момент продажи симки. Никаких комплектов журналов не заказывай, это разводка такая новая.

— Да пусть лучше спамеры будут, — напряжённым голосом ответила Валя. Она лихорадочно разглаживала фартук, пытаясь взять себя в руки. — Я возьму. Вдруг, это МЧС, или с «потребнадзора».

Она подошла к телефону, чувствуя, как ноги наливаются свинцом. Максим наблюдал за ней, прищурившись от беспокойства. Он чувствовал, как меняется атмосфера. Воздух на кухне в одно мгновение из тёплого превратился в ледяной.

Валя подняла трубку. Пластик был холодным на ощупь. Она сделала вдох, стараясь говорить профессионально и спокойно, как владелица успешного заведения: «Ресторан «Избушка». Слушаю вас».

В трубке повисла пауза, долгая, напряжённая тишина, Затем раздался звук. Щелчок.

Металлический щелчок зажигалки, резкий вдох, и неожиданный смех. Низкий, скрипучий смешок, который она тысячу раз слышала в своих кошмарах. Этот звук принадлежал

призраку, демону, воспоминанию, которое она пыталась похоронить под тремя годами упорной работы и забвения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.